

Пряткина А. Ф. Просторечные новообразования: их основа и судьба // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.

Рассадина Т. А. Нравственные ориентации жителей российской провинции // Социс. 2004. № 7.

Рыклин М. Сознание в речевой культуре // Террорологиики. Тарту; М., 1992.

Сиротинина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня / РАН. М., 1995. № 4.

Смирнов Ю. И. Язык, фольклор и культура // Язык — этнос — культура. М., 1994.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

Стернин И. А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1996.

Стернин И. А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры? // Русский язык в контексте культуры / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 1999.

Толстой Н. И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991.

Уфимцева Н. В. Слово и культура // Языковое сознание: содержание и функционирование: Тез. XII Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, 1—3 июня 2000 г. М., 2000.

Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

Ю. Е. Прохоров

ЕЩЕ РАЗ О КОНЦЕПТЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ

Слово возбуждает представление о предмете... Предмет, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое индивидуализированное языком, постоянно повторяющееся впечатление, тем самым представляется в модифицированном виде.

В. фон Гумбольдт

Попытка сказать что-то свое о концепте естественно требует учета уже имеющихся точек зрения. Однако в этом, на наш взгляд, кроется и некоторая опасность «попадания в колею»: анализ взглядов других неумолимо начинает строить и собственную позицию автора по модели и в рамках уже известных. Безусловно, спросить «кто последний?» и чинно стать в очередь — дело разумное не только в магазине. А в недавние времена — не только разумное, но и жизненно необходимое... Но и времена меняются, и концепт вряд ли является «товаром» первой необходимости даже в очереди за когнитивной

лингвистикой. Колея, однако, затягивает: ехать по ней и спокойно, и надежно — туда же, куда проехали и другие. Вот выбраться из колеи — это уже задача другого уровня: нужен или другой автомобиль, или принципиально иное транспортное средство.

Попробуем идти от логики рассуждения, а не констатации факта, от четкости и последовательности суждений, а не от отдельных определений ключевого понятия. В качестве опорных используем положения, сформулированные К. Г. Красухиным [Красухин, 1996, 382—386]. «И все же: какова основная функция языка, т. е. такая, которую не может выполнять другая знаковая система? На эту роль, очевидно, может претендовать номинация или приписывание предметам некоторых символических единиц, т. е. знаков. Эти знаки связываются не с недифференцированными ситуациями, а с отдельными, дискретными единицами (1). ...Первая функция языка — моделирование окружающего мира <...>. Моделирование сводится к субституции физических предметов мысленными так, чтобы мысленные объекты (т. е. познанные свойства и признаки) объясняли возможную реакцию физических объектов на предполагаемое воздействие. Для этого и необходимо выделить только те свойства, которые имеют непосредственное отношение к данной задаче. Для ментальных объектов есть два способа представления. Во-первых, в форме (до сих пор недостаточно ясной) нейронных процессов в мозгу; во-вторых, в форме символической <...>. Символическая форма является единственно возможной для передачи ментальных объектов, следовательно, моделей мира и прочего — другому (2). ...Передача информации от говорящего к другому — и есть языковая коммуникация. Ее отличие от коммуникации животных состоит в том, что передает она... более-менее структурированные модели мира, состоящие из отдельных объектов, которые можно мысленно выделять из среды и располагать ими в нужной для говорящего конфигурации» (3).

Представим собственный взгляд на проблему в форме рассуждений.

Р а с с у ж д е н и е 1. Под концептом практически во всех определениях понимается нечто соотносимое с одним из следующих этапов моделирования или последовательностью этих этапов:

— «изначальное», которое содержит в себе некоторые основополагающие глобальные принципы отражения мироустройства — $A — A_1$;

— «вторичное изначальное», которое содержит в себе некоторые основополагающие глобальные принципы, определяющие бытие человека в этом мироустройстве — $B — B_1$;

— «детерминированное», которое определяется реальностью этого отражения мироустройства для его определенной части (национально, социально, религиозно, исторически, географически, гендерно, корпоративно и т. п.) — $A_1 — A_1 + ^n$; (множественность параметров детерминирования обозначена литерой 'п', вынесенной из общего ряда: это связано с тем, что данные параметры не явлены сами по себе, а обнаруживаются через означенное и именованное);

— «вторично детерминированное», которое определяется спецификой человеческого бытия в данной части отражения мироустройства — $V_1 — V_1 + ^n$;

— «означенное», которое фиксируется спецификой семиотических моделей хранения и трансляции данной части отражения мироустройства — $A_1 + ^n — A_1 + ^n + 2$;

— «вторично означенное», которое фиксируется спецификой реализации семиотических моделей человеческого бытия в данной части отражения мироустройства — $V_1 + ^n — V_1 + ^n + 2$;

— «именованное», которое конвенционально номинирует систему описания данной части отражения мироустройства — $A_1 + ^n + 2 — A_1 + ^n + 2 + 3$;

— «вторично именованное», которое конвенционально обеспечивает вербальное человеческое общение в данной части отражения мироустройства — $V_1 + ^n + 2 — V_1 + ^n + 2 + 3$.

Данное рассуждение не противоречит пониманию концепта как некоторой изначальной совокупности знаний, представлений и суждений о той или иной составляющей картины мира, а также как некотором виртуальном замещении этой реальной картины совокупностью символов, знаков, т. е. некоторой вторичной картиной, сложившейся в ходе познания мира с целью упорядочения, упрощения и приспособления для существования в первичной картине [см.: Кузнецов, 2000].

Р а с с у ж д е н и е 2. Что может входить в содержание концепта? Ю. С. Степанов отмечает, что «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [Степанов, 1997, 45], выделяет «буквальный смысл», «внутреннюю форму», или этимологию концепта, «пассивный», «исторический» слой концепта и новейший, наиболее актуальный и активный слой концепта. Подобным образом строится содержание концепта по уровням, но не описывается уровневое содержание.

Можно предположить, что «на самой глубине» любого концепта находится набор архетипических — наиболее общих и фундаментальных — изначальных понятий, логических связей, образных представлений и выработанных на их основе принципов, правил человеческого существования. «Первый пласт» можно рассматривать как отражение совокупности некоторых примитивных, имеющих общечеловеческий характер попыток организации хаоса человеческого бытия. Он, безусловно, связан с временем и местом проживания некоторой общности людей (климатическими, географическими, физическими и прочими условиями существования). «На основе примитивно-архетипических связей или в дополнение к ним (а иногда и вне прямой связи с ними) в сознании коллектива и в сознании личности образуется некоторый фонд представлений, которые опираются на генетическую память и не соответствуют актуальному эмпирическому опыту или даже прямо противоречат ему» [Кнабе, 1993, 115].

«Вторым пластом» будет, очевидно, идеологическая составляющая, связанная с основополагающими принципами того или иного религиозного уче-

ния, т. е. уже выработанной и реализуемой в тех или иных формах доктрины системы бытия. Если принципиальное соотношение в модели «жизнь—смерть» можно рассматривать на архетипическом уровне как «есть — нет», «появился — исчез», «существовал — перестал существовать», «начало — конец», т. е. $A — B / A_1 — B_1$, то историческое существование людей в сфере действия конкретного религиозного учения связывается с определенными компонентами содержания концепта, возникающими на фоне особенностей того или иного учения. Например, в православии самоубийство рассматривается как грех, а в буддизме — как высшее проявление честности и твердости духа. По-разному расцениваются и ситуации рождения и смерти: в одних религиях только благой жизненный путь открывает после смерти иную жизнь, срок перехода в которую определяет Бог; в других не отрицается самостоятельной уход из этой жизни в иную и вся жизнь рассматривается как временное существование человека перед жизнью иной.

Кроме принципов религиозных, в ходе развития концепта в нем содержательно закрепляются принципы, связанные с реальными историческими условиями существования людей, социальной организацией, характерной для определенного исторического этапа общественного развития. При единстве религии можно увидеть принципиальное различие, например, в восприятии рождения ребенка или его смерти в разных социальных слоях общества; в факте рождения девочки или мальчика. В разных религиях принципиально по-разному — в силу не столько религиозных правил, сколько реалий среды проживания — моделируется ритуал погребения и т. п. Все это вносит в изначальный концепт жизни — смерти принципиальные множественные различия для разных народов (модели $A_1 — B_1 / A_1 + ^n — B_1 + ^n$). При этом предыдущий уровень — «первый пласт» — объективно переходит в латентное состояние, становится скрытым, как бы «утерянным» в сфере нового реального существования и человеческого общения, не утрачивает при этом своей базовой сущности.

На основе первых двух пластов исторически складывается некоторая система «неустойчивого равновесия» содержания того или иного концепта. Неустойчивость системы объясняется постоянным влиянием основных параметров уровня предыдущего. Равновесие системы выступает как стабилизирующий фактор организации жизни, способов общения, а также ритуалов, вырабатываемых с помощью средств семиотической системы.

Сама семиотическая система складывается, закрепляется и транслируется не сама по себе, а в ходе практической деятельности людей в той ее интерпретации, которая представлена Г. П. Щедровицким [см.: Щедровицкий, 1986, а также: Панков, 1995, 240—241]. С точки зрения деятельности как формы и средства существования человека, его становления как личности логичным является факт его экзистенции не собственно в том реальном мире, который явлен, а в том вторичном мире, который организован в качестве результата деятельности, построен как система некоторых символов. Наиболее суще-

ственными считаем следующие положения: 1) человеческая социальная деятельность рассматривается как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем сами «люди»; 2) тайна знака (и речи / языка) как элемента и организованности деятельности состоит как раз в том, что все формы существования знака являются подлинными и одинаково реальными, а сам знак (или речь / язык) существует как системное единство всех этих форм; 3) смыслы и значения — разные компоненты знака, придающие ему вместе с тем разные способы и формы существования, соответственно — в синтагматике и в парадигматике, социальных ситуациях и в культуре, в реализациях и в нормах, а связь между ними может трактоваться как совершенно особое отношение конструктивного замещения. Можно сказать, что с точки зрения деятельности как общения его составляющими всегда являются не непосредственные отсылки к реальности ($A - A_1$; $B - B_1$) и даже не к тем смыслам, которые организуются в процессе деятельности как освоения модели действительности, а к собственно той уже смоделированной семиотической системе, в которой эти значения закрепились. Другими словами, собственно процесс коммуникации начинается как факт сиюминутного общения — на основе уже установленных элементов модели $A_1 + ^n + 2 + 3 - B_1 + ^n + 2 + 3$. При этом, очевидно, любые изменения параметров $A_1 + ^n + 2 + 3$ будут отражаться в конечной составляющей этого общения — его вербальном (и невербальном) компоненте [см.: Жинкин, 1998, 25—26]. Как и во всякой равновесной системе, изменение такого параметра, как вербальный код, приводит к определенным изменениям других элементов модели: новая, заимствованная из другой семиотической системы языковая единица — с иным смыслом или иным значением — первоначально и ощущается как чужая, инородная, однако затем она постепенно находит свое место в новой семиотической системе и определяется в своем взаимоотношении с другими составляющими новой для нее модели.

Попробуем приложить наши рассуждения к языковому материалу, извлеченному из книги Б. Акунина «Алмазная колесница» (М., 2003). Выбор иллюстративного материала объясняется тем, что автор романа является профессиональным японистом. Естественно, что передача концептов на другом языке носителем другой культуры может содержать некоторые неточности, однако нас в большей степени интересуют именно различия между концептами «смерть» в двух культурах и языках.

1. Портретов было два. С левого на Фандорина смотрел Александр Сергеевич Пушкин, с правого щекастый азиат, грозно супящий густые брови. Гравюра с картины Кипренского, хорошо знакомой титулярному советнику, интереса у него не вызвала, но второй портрет заинтриговал.

— Это какой-нибудь поэт? — поинтересовался Фандорин.

— Никак нет. Это великий герой фельдмаршал Сайго Такамори, — благоговейно ответил Сирота.

— Тот самый, что взбунтовался против правительства и покончил с собой? — удивился Эраст Петрович. — Разве он не считается государственным преступником?

— Считается. Но он все равно великий герой. Фельдмаршал Сайго был искренний человек. И умер красиво. — В голосе письмоводителя зазвучали мечтательные нотки. — Он засел на горе с самураями своей родной Сацумы, правительственные солдаты окружили его со всех сторон и стали кричать: «Сдавайтесь, ваше превосходительство! Мы с почетом доставим вас в столицу!». Но господин фельдмаршал не сдался. Он сражался до тех пор, пока пуля не попала ему в живот, а потом приказал адъютанту: «Руби мне голову с плеч».

Фандорин помолчал, глядя на героического фельдмаршала.

— А почему у вас тут Пушкин?

— Великий русский поэт, — объяснил Сирота и, подумав, прибавил. — Тоже искренний человек. Красиво умер.

— Японцев хлебом не корми, только бы кто-нибудь красиво умер, — улыбнулся Всеволод Витальевич.

2. — Что вы намерены делать? Дуэль уже назначена?

— Да. Цурумаки при мне отправился к Булкоксу и полчаса спустя вернулся с сообщением, что поединок состоится завтра в восемь утра на холме Китамура, над Блаффом.

— И вы ползете в эту ловушку?

— Разумеется. Не беспокойтесь, Всеволод Витальевич, на этот случай у меня подготовлен резервный план. Может быть, удастся обойтись и без сбора доказательств.

— А если он вас убьет?!

Фандорин небрежно дернул плечом — мол, подобный исход планом не предусматривается.

— Это будет очень красивая смерть, — внезапно сказал Сирота и отчего-то весь вспыхнул.

Кажется, в этом случае у меня будет шанс попасть в разряд «искренних людей», подумал Эраст Петрович, заметив, что глаза письмоводителя горят возбужденным блеском. Пожалуй, к портретам маршала Сайго и Александра Сергеевича прибавится еще один».

3. — Отец, сбежавший из тюремной камеры, не захотел возвращаться в тюрьму. Он ударил жену ножом в сердце, а себя в горло. Маленького сына тоже хотел зарезать, но не смог и просто бросил в море. Однако карма не позволила мальчику утонуть — его выловили и отнесли в приют.

— Ну и зверь же был его папаша! — воскликнул потрясенный Эраст Петрович. Сирота удивился:

— Почему зверь?

— Да ведь он зарезал собственную жену, а малютку сына б-бросил со скалы!

— Уверяю вас, он ни за что не стал бы убивать свою супругу, если бы она сама его об этом не попросила. Они не захотели расставаться, их любовь оказалась сильнее смерти. Это очень красиво.

— Но младенец-то здесь при чем?

— У нас в Японии на это смотрят иначе, извините, — строго ответил письмоводитель.

— Японцы — люди ответственные. Родители отвечают за своего ребенка, особенно если он совсем маленький. Мир так жесток! Разве можно бросать на произвол судьбы беззащитное существо? Это слишком бесчеловечно! Семье нужно держаться вместе, не разлучаться. В этой истории трогательней всего то, что отец не смог ударить своего маленького сына ножом...

Нетрудно заметить, что реальное общение в репродуцированных писателем коммуникативных ситуациях начинается именно на уровне «именованного», т. е. конвенционально номинированной системы описания данной части отражения мироустройства ($A_1 + ^n + 2 + 3$), и «вторично именованного», т. е. конвенционально обеспечивающего вербальное человеческое общение в данной части отражения мироустройства ($B_1 + ^n + 2 + 3$). Постепенно в ходе общения у двух сторон коммуникации возникают некоторые зна-

ния, представления (неточные, смутные, неполные) о ряде элементов предыдущих уровней моделирования ($A_1 + [n + 2 + 3]$; $B_1 + [n + 2 + 3]$), что позволяет в итоге выйти на некоторый уровень взаимопонимания (может быть, даже некоторого взаимопостижения). Последнее, в свою очередь, становится реальной основой дальнейшего общения. Не исключено, что реализованные в диалогах акунинских персонажей содержательные составляющие концепта «смерть» будут восприниматься и пониматься иначе современными носителями японской культуры.

Можно согласиться с Б. М. Гаспаровым в том, что «смысл и языковой материал существуют “нераздельно и неслиянно”. Они не тождественны друг другу, и между ними существуют множественные соотношения: любое движение мысли может получить бесконечное число языковых перевоплощений, так же как любой “кусочек” языкового материала может получить бесконечное число переосмыслений. Но во всех этих взаимных перевоплощениях неизменным остается сам факт воплощенности их друг в друге. Без этой взаимной воплощенности как от мысли, так и от языкового материала остаются лишь спорадические и ускользающие обрывки» [Гаспаров, 1996, 292].

Итогом наших рассуждений является представление о концепте как некоторой смоделированной в процессе деятельности человека в данных условиях (и исторически сложившихся, и здесь/сегодняшних) многоуровневой системе.

1. Концепт есть некоторое виртуальное замещение реальной картины мира существования человека некоторой совокупностью символов, знаков, т. е. некоторой вторичной картиной, сложившейся в ходе познания мира, с целью упорядочения, упрощения и приспособления для существования в картине первичной.

2. Последовательность этого замещения определяется целым рядом факторов, среди которых основным является собственно деятельность человека в данных условиях. На базе этой деятельности создается вторичное («замещение замещения») построение некоторой модели отношения к условиям общения.

3. Специфика семиотических моделей хранения, трансляции и реализации человеческого бытия конвенционально номинируется («именование отражения отражения») для обеспечения устойчивого вербального человеческого общения в данном этнолингвокультурном сообществе.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Жинкин Н. И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Язык — речь — творчество: Избр. тр. М., 1998.

Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994.

Красухин К. Г. О загадке слова (слово как узел лингвофилософских проблем) // АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара. Вып. 2. М., 1996.

Кузнецов А. М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания. М., 2000.

Панков А. В. Разгадка Бахтина. М., 1995.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования: Методологические приемы: Ежегодник. 1986. М., 1987.

С. В. Овечкин

КОНФЛИКТ СТРУКТУР: НАРРАЦИЯ И ИСТОРИЯ В «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ» ГОГОЛЯ

«Петербургским повестям» Гоголя, если говорить об обращении исследователей к их повествовательной структуре, повезло едва ли не больше, чем «Вечерам...», которым уделила много внимания в своей монографии «Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв.» Н. А. Кожевникова. Не пытаюсь изложить здесь полностью историю вопроса, назову только две работы, принципиальные для изучения темы.

Во-первых, Ю. В. Манн, говоря о проблеме фантастического у Гоголя, привел многочисленные примеры того, что Д. Фангер удачно назвал «отказом рассказчика от своей авторитетной роли» [Фангер, 1995, 61]. Все оговорки, запинки, провалы в памяти повествователя получили свое объяснение благодаря концепции автора «Поэтики Гоголя»: вместе с другими странностями наррации и истории они делают повествуемый мир зыбким, неопределенным, словом, фантастическим в смысле Ц. Тодорова [см.: Тодоров, 1999]. Функция приема, таким образом, объясняется через специфическую гоголевскую онтологию.

Во-вторых, повествовательная структура этой группы текстов стала одной из главных тем монографии В. М. Марковича «Петербургские повести Н. В. Гоголя». Автор монографии богато проиллюстрировал свой ключевой тезис: «повествование в петербургских повестях стилистически неоднородно и явно неоднородны здесь позиция и облик повествующего лица» [Маркович, 1989, 43]. С его точки зрения, одна из функций (смыслообразующая) этой неоднородности — подключение к литературной форме возможностей «низовой» культуры, в диапазоне от анекдота до легенды. Будучи связан с мифогенным хронотопом Петербурга, такой нарратив приобретает мифологическое измерение. И в аспекте синтактики (мифогенный рассеянный субъект повествования), и в аспекте семантики (апокалиптическое вторжение хаоса в петербургский «космос») перед нами — целостная концепция.